

И. И. Аминов*

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКО-ТУРКМЕНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье утверждается, что прогресс любой науки определяется состоянием его теории и методологии, а любое научное исследование начинается с разработки методологии и методики. Благодаря методологически грамотному выверенному подходу к исследованию различных цивилизационно-культурологических, социально-экономических, государственно-правовых явлений и процессов достигается выявление и обоснование государственно-правовых закономерностей, имеющих в определенной степени универсальный характер. Следовательно, положительный опыт взаимоотношений России и Туркменистана как социально-политическая реальность может применяться в налаживании, построении и укреплении отношений между другими странами и народами.

Опыт разработки методологии исследования российско-туркменских отношений приводит автора к выводу, что беспристрастное, объективное, всестороннее исследование этих отношений в историко-правовой науке представляется труднодостижимым идеалом. Это обстоятельство приводит к необходимости включаться в поиск точных методологических подходов к научной проблеме, сохранять верность принципам историко-правового исследования, обосновывать целесообразность применения разнообразных научно-исследовательских методов, соответствующих современному состоянию развития науки и общества.

В статье констатируется, что «слабым местом» методологии историко-правового исследования организационно-правовых основ российско-туркменских отношений являются «пробельность» отдельных временных периодов, противоречивость, субъективизм имеющихся научных позиций. Данное обстоятельство приводит к необходимости унифицировать имеющиеся данные, воссоздавать реальную природу и сущность российско-туркменских связей имперского периода.

Автором делается вывод, что любое историко-правовое исследование нуждается в серьезном, методологическом сопровождении. Существенным вкладом современных исследователей могут стать использование как традиционных, многократно показавших свою эффективность методов и подходов, так и апробация, внедрение новых, в том числе заимствованных из других научных дисциплин приемов познания. Их применение значительно расширит и обогатит современные границы правового регулирования, обнаружит новые исследовательские проблемы, существенно дополнит прежние знания.

Ключевые слова: исторический опыт, историко-правовая наука, научно-методологический подход, принципы и методы историко-правового исследования, традиции, нормы, ценности, установки, отношения, взаимоотношения, национальные общности, национальное правовопонимание.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.138.5.051-063

© Аминов И. И., 2018

* Аминов Илья Исакович, кандидат юридических наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

aminovii@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Методология научного исследования — это знание о том, как с помощью исходных научных подходов, принципов, закономерностей, методов, средств и приемов изучать его предмет. Применительно к науке истории государства и права методология — это то, что дает ключ к познанию государственно-правовых явлений в их ретроспективе. Движущей силой историко-правовых исследований выступает не только и не столько научно-познавательный интерес, сколько получение знания о ценном и значимом историческом опыте (поддержание исторической и социальной памяти) с целью его последующего учета и применения для преобразования и совершенствования современных политико-правовых реалий, управления развитием общества и его отдельными сферами и процессами, прогнозирования и достижения желаемых результатов в будущем. Кроме того, методология истории государства и права изучает специфику основных теоретико-методологических направлений в историко-правовой науке, различных научных школ. В целом она формирует научно-познавательные предпосылки для проведения конкретных историко-правовых исследований.

Цель истории государства и права как юридической науки заключается прежде всего в получении объективного, системного, верифицируемого (от лат. *verus* — истинный и *facio* — делаю), конкретного знания исторического процесса развития тех или иных государственно-правовых явлений и процессов. Для этого необходимо максимально объективное, приближенное к исторической реальности восстановление событий прошлого, что далеко не всегда оказывается возможным, так как объектом историко-правовых изысканий являются факты, которые на момент исследования ушли в небытие (стали историей). С течением времени государственно-правовая реальность подвергается глобальным переменам: одни государства и даже целые цивилизации приходят на смену другим, меняются государственные устои, политические режимы, стираются и вновь возводятся территориальные границы, перманентно вспыхивают межнациональные и межгосударственные конфликты. Многие из исторического прошлого бывает трудно воспринимать из-за кардинальных различий в ментальности современного человека в сравнении с миропониманием людей ушедших

эпох. Это особенно касается национального менталитета, цивилизационных особенностей того или иного народа, предполагающих наличие различных механизмов национального правопонимания, ценностей и установок того общества, в котором они приняты. При этом ценности, высоко чтимые у народов Востока (консервативность, традиционность, недопустимость включения инноваций в нормотворчество и правовые традиции; безразличное отношение к субъективным правам и т.д.), могут резко отличаться от ценностей, принятых населением Запада (логичность, рациональность, потребность в переменах в связи с развитием общества, преобладание личности над социумом и т.д.). Именно в ценностях и установках фиксируются исторически сложившиеся правовые принципы, нормы, отношения и взаимоотношения, утвердившиеся в национальных общностях, обеспечивающие их выживание и активное функционирование на протяжении длительного времени.

Опыт разработки методологии исследования российско-туркменских отношений приводит к выводу, что беспристрастное, объективное, всестороннее исследование этих отношений в историко-правовой науке предстает труднодостижимым идеалом. Это суждение можно проиллюстрировать высказыванием германского правоведа Рудольфа Иеринга (1818—1892) о том, как «бесконечно глубока пропасть, отделяющая нас с нашим новым пониманием права от тех первых начал образования права и государства, к которым мы теперь восходим»¹. Воспользовавшись метафорой Иеринга, можно представить себе масштабы той пропасти, которая разделяет русско-туркменские (торговые) отношения между поданными Русского государства и отдельными представителями туркменских племен в XVII столетии и российско-туркменистанские отношения конца XX — начала XXI в., если исходить из современных реалий межгосударственного диалога между Российской Федерацией и независимым нейтральным государством Туркменистан.

Такие несопоставимые по масштабам перемены диктуют необходимость поиска точных методологических подходов к научной проблеме, верность принципам историко-правового исследования, обоснованность и целесообразность применения мощного арсенала научно-исследовательских методов.

¹ Иеринг Р. Дух римского права. СПб., 1873. С. 88.

Методология науки не сводится, как это принято иногда считать, только к учению о методах познания. Она включает в себя мировоззрение, концептуальные подходы, принципы, основы построения теории, обобщенную характеристику внутренней логики ее развития, определяющую научную целостность, методы историко-правового познания и методы изложения его результатов, а также формы историко-правовых знаний. Иными словами, методология — это не только методы и способы, но и исходные, базовые, принципиальные положения рассмотрения, познания изучаемого предмета.

Важным этапом на пути разработки методологии исследования выступает вычленение из конкретной научной материи **принципов** ее исследования. Извлечение и обоснование исследовательских принципов — это не самоцель, не дань научной традиции, не умозрительная задача искусственно «наскрести» во что бы то ни стало определенный набор основополагающих начал, а своего рода инструментарий, призванный содействовать познанию, продолжению, поддержанию и совершенствованию получаемых знаний при взаимных интересах. Обобщение работ российских и зарубежных авторов, посвященных нашей проблематике, позволяет выделить следующие исходные положения.

1. Принцип особой значимости законов, закономерностей и категорий философии в исследовании организационно-правовых основ российско-туркменских отношений в их историческом развитии. Смысл этого принципа состоит в том, что исследование интересующей нас темы должно основываться на прочном *философском фундаменте*. Философия и философские науки (онтология, гносеология, логика, социальная философия, эпистемология, философия истории) образуют философско-мировоззренческую и гносеологическую основу историко-правовой науки в ее основных теоретико-методологических направлениях. Отметим, что история и теория государства и права, в связи со сложившейся научной традицией «разговаривают» на языке философии: закономерность, принцип, противоречие, отношение, форма, содержание, система и т.п. Ключевым понятием историко-правового исследования российско-туркменских отношений выступает философская категория «отношение», которая в юриспруденции также занимает центральное место,

поскольку право, по сути, является регулятором общественных отношений в той или иной сфере. Кроме того, законы и категории *диалектики* как метода аргументации в философии, а также формы и способы рефлексивного теоретического мышления, исследующего противоречия, обнаруживаемые в мыслимом содержании этого мышления, имеют первостепенное методологическое значение для всех наук, в том числе и для истории государства и права.

Диалектический подход к историко-правовому исследованию предполагает познание государственно-правовых явлений в развитии с опорой на важнейшие категории диалектики — науки о законах развития природы и общества. В частности, диалектический метод позволяет выявить и обосновать оптимальные потребности в установлении и легализации общественных отношений (в том числе межплеменных, межнациональных, межгосударственных и т.п.), опираясь на познание путей развития общественных процессов.

Применительно к интересующей нас теме российско-туркменских отношений соответствующие явления и процессы, как и в реальности, соединены многосторонними связями, взаимопроникновениями и взаимодействиями.

В соответствии с *диалектикой*, благодаря взаимодействию и взаимообусловленности, ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, переходит из одного состояния в другое. Основываясь на этой всеобщей философской закономерности, история государства и права рассматривает надлежащие явления и процессы, в том числе межнациональные, межгосударственные отношения, не как застывшие и навсегда данные, а как находящиеся в постоянном движении, трансформации, развитии либо упадке, стагнации, тупике и даже в состоянии враждебности и войны.

Все вышесказанное можно проиллюстрировать словами советско-российского ученого А. А. Любищева (1890—1972): «...старое представление о том, что наука развивается путем накопления все большего количества «абсолютных истин в последней инстанции», сменяется новым: наука развивается путем смены системы постулатов, причем при этом нередко возвращается к тем положениям, которые были раньше как бы окончательно отвергнуты».

Необходимо также отметить, что во многих юридических исследованиях последних лет

диалектический метод подвергается критике. Вместе с тем *всецело альтернативного способа* общетеоретического исследования современная юридическая наука предложить не может.

2. Принцип многомерности философских (методологических) подходов к историко-правовому исследованию. В настоящее время многомерная научная картина мира все больше не укладывается в рамки какого-то одного, одномерного, узконаправленного, например формационного или материалистического, подхода. На смену безальтернативности общественного развития приходит представление о его многовариантности, системности, гносеологической множественности. Соответственно, в процессе решения задач методологического характера, которые стоят перед исследователем правовых аспектов российско-туркменских отношений, возникает необходимость использования более широкого спектра методологических подходов к пониманию историко-правовых явлений.

В настоящее время крупной исследовательской проблемой отечественной истории государства и права является *проблема периодизации*, которую еще в советские годы эта наука пыталась окончательно «решить», заручившись поддержкой беспредельно господствовавшего формационного подхода, объясняющего развитие общества поступательным, последовательным переходом от одной социально-экономической формации к другой. Однако, имея вполне логичное выражение в одних государственно-правовых явлениях, формационный подход давал сбой при обосновании других. Так, например, при объяснении прямого перехода отдельных народов в своем историческом развитии от стадии родоплеменного уклада к социалистическому строю, как это случилось, например, у туркмен, все сводилось к классовому механизму, позволившему совершить такой исторический «скачок».

Современные ученые, даже желая отойти от продолжающего доминировать *формационного подхода* к постижению исторического процесса, как правило, видят только одну альтернативу — *цивилизационный подход*, нацеливающий историков государства и права на исследование и учет не только политико-экономических факторов, но и культурологических, ментальных, духовных, географических, этнографических и иных сфер общественной жизни. Однако использование цивилизаци-

онного подхода также порождает не меньше проблем и вопросов, чем применение формационного. По этому поводу профессор Л. Е. Лаптева справедливо замечает, что «отказ от классового подхода к истории права не привел к изменению правопонимания. Нашей дисциплине по-прежнему не хватает правовой идеологии, системы координат, в которых должно происходить формирование мировоззрения современного юриста. Можно утверждать, что попытка заменить классовый подход цивилизационным оказалась в методологическом отношении бесплодной, поскольку не дала критерия сущностной оценки закона. Она (в зависимости от предпочтений) приводит либо уже к изрядно надоевшей апологетике пресловутого особого пути, либо к отчаянным попыткам привести Россию к общему знаменателю с западной цивилизацией». Неудачи в использовании цивилизационного подхода к историко-правовым исследованиям объясняются в том числе и недостаточной его проработанностью, наличием существенных противоречий во взглядах его основоположников, а также тем, что исторический процесс вообще с трудом укладывается в рамки какого-либо одного подхода.

По мнению профессора Д. А. Пашенцева, во многих случаях анализ явлений истории государства и права может в определенной мере основываться на противоположной материализму *идеалистической методологии*. При этом ученый далек от того, чтобы сводить все многообразие научной методологии только к противопоставлению материализма и идеализма.

Важную роль идей и, соответственно, идеалистического подхода к пониманию факторов развития общества, цивилизации, государства признавали многие крупные ученые. Так, российский историк В. О. Ключевский (1841—1911) писал: «Я не знаю общества, свободно от идей, как бы мало оно ни было развито. Само общество — это уже идея, потому что общество начинает существовать с той минуты, как люди, его составляющие, начинают сознавать, что они — общество».

Аналогичные мнения об идее государства высказывал русский философ, правовед, историк Б. Н. Чичерин (1828—1904). В его представлении идея государства обуславливает идеальное государственное право: «Устроение государства сообразно с его идеей составляет руководящее начало законодательной дея-

тельности»². При этом «естественный закон остается идеалом, но не абсолютною нормою положительного закона».

Некоторые современные исследователи отмечают отражение идеи государства в действующей Конституции РФ, «где максимально сосредоточено все должноидеальное по поводу государства, права, правовой свободы». Профессор Ю. Д. Ильин применительно к истории нашей государственности XX в. пишет: «Идея самодержавия в России была разбита идеей „свободной республики“; ее, в свою очередь, побил идеал республики советов; затем пришел черед Советского Союза, была внесена идея демократии. Не экономические процессы лежали в основе социально-экономических изменений, а идеи. Экономика России до революции развивалась успешно, но в глазах всего общества идея самодержавия себя исчерпала. В 1922 г. экономика Советской России, как и других соседних республик, была в разлуке, но возобладала идея Союза. Советский Союз пал не в результате экономического краха — была исчерпана идея советской власти». Сходную позицию обосновывает и современный правовед А. А. Ференс-Сороцкий: «Крушение СССР подтвердило, что Россия — идеократическое государство, и опровержение господствующих идей ведет к изменению существующего строя. Так что вовсе не материальный фактор, а идеи, которые господствуют в обществе, определяют его строй». Развитие общества, государства, и тем более межгосударственных отношений, может пойти различными путями — в конечном счете, все зависит от того, какая идея возобладает в решающий для общественного развития момент, адепты какой идеи смогут приложить максимум усилий для ее реализации.

Переводя историко-правовой анализ в плоскость российско-туркменских отношений, заметим, что в вопросах их периодизации вполне логично не отказываться использовать формационный подход (имперский период, советский период, постсоветский период), в других случаях будет уместен цивилизационный подход (Восток — Запад), в третьих, когда не подходит ни тот, ни другой, возникает необходимость в применении иных подходов (антропологического (персоналистская теория права), этно-юридического (обращение к архаическому

праву), юридико-психологического (опора на психические (психологические) закономерности в юридической деятельности и правовом регулировании) подходов, теории элит (констатация во всех обществах двух классов — управляющих (элиты) и управляемых) либо в сочетании и комбинировании различных подходов.

Так, на протяжении всей истории развития российско-туркменских отношений отчетливо прослеживается влияние на них комплекса идеологических и идейных установок. Реконструируя в связи с этим причины и процессы появления тех или иных организационно-правовых явлений, важно обращать внимание не только на социально-экономические условия их появления, но в первую очередь на те идеи, которые владели умами и лежали в основе правосознания субъектов права и, как следствие, в основе процессов правотворчества и правоприменения. Большую помощь в такой научной реконструкции, призванной составлять основу современных исследований истории права, может оказать анализ таких источников, как мемуары лиц, принимавших участие в разработке законопроектов прошлого, а также материалы комиссий по подготовке законопроектов.

3. Принцип овладения исследователем — историком государства и права определенной методологической культурой. По справедливому замечанию профессора Е. Г. Комиссаровой, «методология трудна и малопонятна профессиональному сознанию юриста, однако это неотъемлемый элемент сознания и культуры научной деятельности юриста-исследователя»³.

Поскольку существование основных правовых понятий и терминов можно наиболее содержательно охарактеризовать только с учетом их исходного философского значения, актуальной задачей выдвигается овладение историками — исследователями государства и права методологической (философской) культурой, проявлениями которой в контексте исследования организационно-правовых основ становления и развития российско-туркменских отношений выступают:

— адекватное понимание и использование категорий и основных понятий, образующих концептуальный каркас науки истории государства и права;

² Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894.

³ Комиссарова Е. Г. Цивилистическая методология в контексте научного познания // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. № 2.

- восприятие различных понятий и определений в исторической реальности как ступеней восхождения от абстрактного к конкретному, от простых состояний государства и права до их современного состояния, от отдельных межнациональных контактов до устойчивых межгосударственных отношений, от исторического контекста к современному пониманию;
- потребность воспроизводить историческую реальность в понятийно-терминологическом формате историко-правовой науки с учетом и преломлением определений, терминов, понятий и наименований, принятых в тот или иной временной период;
- установка на трансформацию историко-правовой теории в метод познавательной деятельности;
- мыслительная направленность на генезис и эволюцию исторических форм исследуемых российско-туркменских отношений (правоотношений, социальных и правовых взаимодействий) и их «целостнообразующих» свойств;
- стремление выявить единство, взаимодополняемость и преемственность теории российско-туркменских отношений в ее историческом развитии;
- критическое отношение к неадекватным умозрительным положениям, к аргументам, лежащим в плоскости субъективно-оценочного или идеологически, националистически тенденциозного сознания;
- рефлексия в отношении собственных суждений и познавательной деятельности;
- доказательное опровержение антинаучных положений в истории становления и развития российско-туркменских связей.

Методологическая культура задает новый, современный стиль научного историко-правового мышления, его эмпирических, гносеологических, рефлексивных и прогностических компонентов. Понятие стиля мышления сегодня интерпретируется в качестве способа (или закона), определяющего содержание и логику мышления системно, нормативно и конкретно-исторически в сопоставлении с современным состоянием науки истории государства и права и государственной-правовой практики.

4. Принцип междисциплинарного подхода к проведению историко-правового исследования российско-туркменских отношений. Во все времена историко-правовая наука тре-

бует от исследователей необходимого профессионализма, в котором владение основами философии и знаниями сугубо исторической направленности должны гармонично сочетаться со знанием теории государства и права. В условиях методологического и научного плюрализма невозможно проведение историко-правовых исследований без *междисциплинарного подхода*, без философских парадигм и конструкций, без теоретических понятий, категорий, соответствующей терминологии, без знаний из области таких наук, как экономика, политология, культурология, антропология, этнография, археология, социология, география, филология, науковедение, без умения использовать математические методы обработки данных и современные информационные технологии, без апробирования полученных знаний на практике. Такое столкновение и взаимодействие различных отраслей знания представляется исключительно важным и полезным для конкретных исследовательских практик и для историко-правовой науки в целом.

Важнейшей стороной историко-правового исследования является то, что в своем научном поиске историк права, будучи прежде всего и более всего юристом, должен всегда иметь в виду юридические понятия и методы юридической реконструкции. Обладание только историческим мышлением не сможет привести к качественному историко-юридическому анализу, так как для изучения правовых явлений необходимы знания их внутреннего содержания, принципов, терминологии, практических преломлений. Отсутствие или недостаток у исследователя глубоких правовых знаний объективно приведет к ошибочным выводам, не позволит вскрыть должные закономерности.

Кроме того, при проведении историко-правового исследования становления и развития российско-туркменских отношений необходимы историко-филологические (в частности, знание туркменского языка), этнографические и географические знания, игнорирование или недостаток которых приведет к закономерным ошибкам.

5. Проблемно-хронологический принцип проведения историко-правового исследования организационно-правовых основ становления и развития российско-туркменских отношений. Этот принцип не отвергает традиционный хронологический подход, но дополняет его необходимостью четкого определения пространственно-временных координат

нат возникновения, становления и развития государственно-правовых явлений. При этом, если пространственная координата включает государства и народы, населяющие планету Земля, то временная координата представляет собой сложную панорамную совокупность точек зрения и фактологических материалов о каких-либо исторических явлениях. Причем эти исторические свидетельства могут быть из другого времени и пространства, чем само государственно-правовое явление. Например, отдельные вопросы российско-туркменских отношений становятся понятны только по истечении времени или, например, с опубликованием каких-либо ранее недоступных (скрываемых или утерянных) фактов. Проявление отдельных существенных черт государственности и права туркмен порой значительно отдалено друг от друга, разбросано по хронологической шкале. Этот временной фактор и составляет проблему, которую необходимо не упускать из вида при проведении историко-правового исследования. Для составления объективного представления о государственно-правовой составляющей российско-туркменских отношений возможно применение компаративистского метода, позволяющего расширить источниковую базу исследования. В этом случае использование проблемно-хронологического принципа не позволит сбиться с пути приближения к истине. Именно расхождение во времени существования аналогичных государственно-правовых явлений обязывает следовать при проведении историко-правовых исследований проблемно-хронологическому принципу.

6. Принцип историзма и современности, фактологической достоверности предполагает проведение историко-правового исследования, адекватного историческому ходу событий и современным научным и жизненным реалиям. При этом конкретно-исторический подход означает, что в ходе исследования учитываются место, время, этапы и конкретные условия развития государственно-правовых процессов и явлений на региональном и глобальном уровнях.

Мощный и масштабный рост науки обуславливает не только развитие ее теоретического аппарата, но и стремление к строгой фактологической достоверности. Факты — это такой элемент знания, который получает возможность называться таковым только при условии строгого и точного соответствия действитель-

ности, практике. Теория — это логическая организация знаний, которая уже не покоряется факту, а владеет им, когда все факты, относящиеся к данной целостности, можно объяснить, вывести из одного объединяющего начала или коренного, стратегически важного принципа.

Так, начиная с конца XVIII в. для государственной власти России стало характерным стремление найти в правовом регулировании жизни общества некий основополагающий принцип, который позволил бы учитывать в законодательной деятельности Российской империи местную правовую специфику. Без этого применение правовых норм в полиэтническом обществе было бы совершенно неэффективным.

Такой компромиссной стратегией стала кодификация норм обычного права для придания им статуса закона. В 1822 г. М. М. Сперанским (1772—1839) завершается подготовка важнейшего законодательного акта — Устава об управлении инородцев, которому предшествовали тщательное изучение и систематизация норм обычного права народов Сибири, обобщение их правового статуса, отличающегося от статуса остального населения Российской империи.

Инородцы этого края были разделены по типу хозяйствования и образу жизни на три группы (разряда): оседлых, живших селениями, возделывавших землю; кочевых, упорядоченно, определенно переселявшихся с места на место во времени и пространстве; бродячих, «неупорядочно странствующих», не державшихся конкретных мест обитания. В соответствии с этой классификацией, свидетельствующей о внимательном отношении к инородцам со стороны законодателя, были определены основные принципы управления коренным населением не только Сибири, но и других регионов империи. При этом существенные особенности этих принципов не были подвержены кардинальным изменениям даже в годы правления Александра II и Александра III, когда в России начался промышленный переворот, радикальным образом изменивший социальную структуру общества. Проблема определения и классификации инородцев имела место, но только среди ученых, высказывавших разные мнения. Например, профессор В. М. Грибовский (1867—1924) считал, что деление на разряды было присуще не всем инородцам, а лишь тем, что относились к ка-

тегории восточных. Так, принятие восточными инородцами православия не влекло за собой выхода из состояния инородцев. В то же время восточные инородцы, став оседлыми, могли без каких-либо ограничений вступать в сословия городских и сельских обывателей.

Если оседлые инородцы уравнивались в правах с русским крестьянством (сельскими обывателями), управлялись на основании общероссийских законов, то для «кочевых» и «бродячих» создавались специфические формы управления, согласованные с обычным правом данных народов. При этом как оседлые, так и «кочевые», «бродячие» инородцы освобождались от несения рекрутской повинности.

Вслед за изменениями границ Российской империи на протяжении всего XIX в. менялся и состав инородцев. Так, в ст. 762 Законов о состояниях 1899 г. из перечня инородцев были исключены обитатели Командорских островов, но появились такие категории, как: инородцы Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Закаспийской области, в которой проживала большая часть туркменского населения.

Столь гибкий принцип в определении, управлении и классификации инородцев лег в основу и российско-туркменских отношений имперского периода.

Отметим, что единственно возможная система существования современного полиэтнического российского общества также приводит к необходимости совмещения противоположных тенденций: с одной стороны — развитие культурного плюрализма и сохранение своеобразия этнических культур; с другой — инкорпорация этих культур в общероссийское социокультурное пространство. Неумение власти наладить оптимальный баланс между этими двумя стратегиями — первопричина многих противоречий в развитии российской государственности на постсоветском этапе.

7. Принцип объективности историко-правового исследования означает беспристрастность, отказ от всяких предубеждений, штампов, симпатий и антипатий, идеологических ярлыков, националистических амбиций, политических предпочтений, крайностей в оценках, построение суждений и выводов на фактах и их научное объяснение. При этом оказывается крайне важным отличать факт от мнения о факте. Любой факт можно интерпретировать по-разному, получая каждый раз разный

вариант. Иногда какое-либо суждение о факте становится плодом личной фантазии автора, особенно когда имеют место амбициозные заказные националистические теории.

Факт действительности только тогда становится фактом науки, когда он трактуется, интерпретируется не субъективно, не исходя из социального заказа, а с позиции определенной научной теории. В этом отношении представляется уместным замечание французского медика Клода Бернара (1813—1878) о том, что факт сам по себе ничто, он имеет значение лишь благодаря идее, с которой связан, или доказательству, которое он дает. Только теоретическое осмысление и научное обоснование фактов позволяет преодолеть обыденные, житейские способы суждения, влекущие за собой вредную для научного знания иллюзию очевидности. Следовательно, в историко-правовом исследовании недостаточно одного накопления объективно имеющих место фактов, необходимо проанализировать отношения между ними, условия их возникновения и функционирования, причинно-следственные связи между событиями, явлениями, процессами, их последствиями, результатами.

Из вышесказанного вытекает одна из значимых особенностей историко-правового исследования. Она заключается в необходимости учета того, что любой исторический, тем более мемуарный источник не всегда адекватно или полно отражает историческую действительность, события прошлого. На нем, как правило, лежит отпечаток взглядов и вкусов его составителя. Так, например, в книге известного деятеля культуры, журналиста сталинской эпохи П. А. Павленко (1899—1951) «Путешествие в Туркменистан» приводится следующий случай, произошедший будто бы во время Ахалтекинского похода русской армии в земли туркмен: когда русский живописец В. В. Верещагин захотел написать сцену повешения, генерал М. Д. Скобелев «во имя любви к искусству» распорядился «срочно вздернуть художнику для натуры» пленных туркмен. Но, поскольку в этот момент под рукой «нужных моделей» не оказалось, были повешены туркмены-текинцы, прибывшие к русским для переговоров.

При всей эффектности и убедительности для советской идеологии этого примера, иллюстрирующего бесправность туркмен-текинцев в период подчинения Российской империи, правдивость самого эпизода опровергается биографией знаменитого художника-батали-

ста. Василий Васильевич Верещагин (1842—1904), хотя и принимал участие в отдельных операциях в ходе завоевания Туркестана, однако, в отличие от своего младшего брата Александра Васильевича Верещагина (1850—1909), генерал-лейтенанта (1908) и писателя, в Ахалтекинской кампании (1880—1881) не участвовал. Более того, среди произведений знаменитого живописца нет картин, которые хотя бы отдаленно напоминали случай, описанный в книге П. А. Павленко.

Таким образом, научным достижением исследователя является способность «очистить изображаемую в источнике действительность от неточностей, вымысла и классовых искажений, выяснить, какие объективные процессы нашли отражение в субъективном восприятии автора документа».

Вместе с тем собранные исследователем факты, пусть даже превращенные в факты научные, истинные, еще далеки от того, чтобы сыграть какую-то эвристическую роль в творческом процессе. Открытие истины, закона, закономерности всегда опосредовано познанием всего класса явлений, к которым относится каждый установленный факт. Отсюда — неизбежность толкования, обоснования, классификации, систематизации фактов как важного, закономерного этапа на пути к творческому и одновременно беспристрастному процессу познания.

Игнорирование или недооценка принципа объективности даже при опоре на единую источниковедческую базу стали, на наш взгляд, причиной того, что российско-туркменские отношения советскими учеными были схематизированы; современными национальными исследователями — демонизированы, а российскими учеными подверглись полузабвению.

8. Принцип историко-правовой системности делает возможным выведение общей линии российско-туркменского взаимодействия из отдельных фрагментов изучаемой проблемы. Данный принцип также подразумевает, что любой факт опыта российско-туркменских отношений не может быть понят вне исторически обусловленной государственно-правовой системы, в которую он включен.

Так, Россия начала XVIII в. представляла собой разнородную систему самобытных культур, скрепляемых сильным государством. Центром данной системы выступал русский народ как наиболее яркий выразитель православной культуры.

В ходе территориального расширения Российской империей своих границ и вхождения в ее состав польских, финских, прибалтийских народов возрастала разнородность ее социокультурного пространства, характеризующегося такими особенностями, как частная собственность, индивидуализм личности, рыночные отношения, предоставление разным сословиям, корпорациям автономии, т.е. права руководствоваться в определенных пределах собственными нормами и правилами. С последующим завоеванием Кавказа к России примкнул многоликий этнический мир, включавший в себя десятки царств и княжеств, враждующих между собой на протяжении сотен лет и не оставлявших своих соседей в покое. Покорение Средней Азии включило в состав России территории суверенных государственных образований исламской цивилизации, имеющих собственную систему ценностей, норм, традиций, центры суннитской учености и восточной культуры. Кроме того, в имперский период практически две трети Российской империи составляли территории жизнедеятельности кочевых и полукочевых народов — наименее исламизированных общностей, что позволяет без преувеличения назвать Россию величайшей кочевой державой того времени.

Результатом пространственной экспансии Российской империи на Запад и Восток стало доминирование в российской культуре такого качества, как культурологическая разнородность, порождаемая несбалансированностью локальных полиэтнических общностей и проявлявшая себя на всех уровнях государственной системы: экономическом, административно-управленческом, правовом, кадровом и т.д.

«Движение России вширь» в имперский период значительно обострило противоречия, присущие полиэтническим общностям и осложнило задачу по их консолидации в единую систему связей и отношений. Эти трудноразрешимые противоречия проявлялись прежде всего между:

- 1) курсом правительства на европеизацию российской культуры и возрастанием уровня ее «востокизации» за счет присоединения азиатских, в том числе и среднеазиатских окраин;
- 2) необходимостью ускорения процессов урбанизации и индустриализации российского общества и ростом сельского населения в связи с непропорциональным увеличением аграрных районов с неразвитыми ин-

фраструктурой, средствами коммуникации и промышленностью;

- 3) необходимостью создания на русской основе социокультурного пространства единого типа и сокращением удельной доли русского населения, что влекло усиление культурной разобщенности в стране;
- 4) потребностью в углублении унифицирующих начал в целях модернизации российского общества и стремлением сохранить культурную самобытность многочисленных этносов.

Следует отметить также то, что территории, присоединенные к империи, зачастую имели не только принципиально несходные административно-политические и правовые системы, но и обладали разным потенциалом и перспективами интегрироваться в единое социокультурное и хозяйственное пространство.

При этом необоснованное усиление унифицирующей компоненты в государственно-правовом строительстве создавало угрозу разрушения традиционных механизмов самоорганизации этнических общностей. Это становилось главным фактором неприятия форсирования нововведений в национальных окраинах со стороны как здравомыслящей региональной, так и центральной власти.

Так, в имперский период идея создать, в отличие, например, от Семиречья или Туркестана на территории проживания туркмен, не знавших до этого национальной государственности, чисто русские формы управления, не была реализована. На этих землях внутрисемейные, имущественные, семейно-брачные и другие социальные конфликты и после прихода русских разрешались народным (общинным) судом на основе обычного права и шариата, нормы которых значительно расходились с государственным законом. Были учтены и племенные традиции туркменского народа, особенности их хозяйства, образа жизни и быта. При этом нельзя не отметить попытки администрации выработать специфические региональные управленческие предписания, применение которых позволило бы Туркмении адаптироваться и со временем стать частью единого государственного пространства. Так, в ходе модернизации и приспособления к государственным установлениям местных традиций отдельные нормы уголовного обычного и исламского права не только претерпели изменения в сторону гуманизации (наказание за прелюбодеяние, кровная месть), но и были вовсе отменены

(рабство, все формы работорговли) российским законодательством. Вытеснение, замена обычая и ислама государственным законом в регулировании общественных отношений, как и переход от общинно-племенного уклада к организационно-правовой общности (огосударствление), в жизни туркмен окончательно завершились лишь в годы советской власти.

9. Принцип комплексности исследования организационно-правовых основ становления и развития российско-туркменских отношений предусматривает необходимость понимания закономерных зависимостей сложной системы российско-туркменских отношений от ее социальных, экономических национально-этнических, культурных, ментальных и подобных факторов.

Успех исследований во многом зависит не только от следования определенным принципам, но от правильности выбранных **методов**, от их актуальности и соответствия современному состоянию развития науки и общества, а также от их комплексного использования. В ином случае выводы могут носить двойственный и противоречивый характер. Метод характеризуется конкретностью выбора пути для решения той или иной конкретной задачи.

Наиболее неоднозначным является вопрос о методах, формирующих состав методологии. Выделяются: а) общенаучные методы; б) общенаучные средства; в) специально-юридические средства; г) методика и техника исследования; д) методы частных наук.

К общенаучным методам философы и методологии относят такие, как: обобщение и абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, идеализация, формализация, математизация и моделирование, аналогия, исторический и логический методы, сравнение, классификация, наблюдение, измерение, описание, эксперимент, системно-структурный метод, гипотетический метод, экстраполяция, восхождение от абстрактного знания к конкретному.

Каждая наука использует и собственные методы, которые в общей методологии получили название *частнонаучных* (специальных, конкретно-научных) методов исследования, они обусловлены особенностями предмета науки и спецификой форм его существования.

Имеется особая группа *междисциплинарных* методов, которые возникли и преимущественно используются в одной науке, но могут привлекаться для исследований в науках других. Прежде всего это,

конечно, математические, статистические, социологические, психологические методики. Возможность их применения в юриспруденции обоснована следствием усвоения теорией права (и государства) научных достижений технических, естественных и смежных общественных наук. По мнению профессора В. М. Сырых, специальные методы других отраслей науки (статистики, математики, кибернетики) лишь позволяют изучать отдельные связи правовых явлений, они не для всякого исследования. Поскольку в нашем историко-правовом исследовании роль отдельно взятой личности, вознесенной волею обстоятельств и личных качеств на вершину власти, имеет непреходящее значение, возрастает потребность в *методах психологии*, что, как правило, диктуется характером и природой изучаемого объекта. Так, в вышеупомянутом примере про художника В. В. Верещагина в целях уточнения истины были задействованы методы психологии: биографический (выявление значимых событий жизненного пути живописца), анализ результатов интеллектуальной деятельности (через изучение результатов творчества).

Общенаучные и частнонаучные методы познания могут быть дифференцированы в зависимости от уровня исследования на эмпирические и теоретические.

К *эмпирическим методам* относят наблюдение, описание, сравнение, измерение, эксперимент. К теоретическим — процесс продвижения от абстрактного к конкретному, идеализацию, формализацию, системно-структурный метод, мысленный эксперимент, аксиоматический и гипотетико-дедуктивный методы. Эмпирическое исследование основывается на непосредственном, контактном взаимодействии ученого с объектом. На *теоретическом уровне* практическое взаимодействие субъекта и объекта исследования отсутствует, происходит мыслительное, умозрительное изучение объекта.

Методика и техника проведения историко-правового исследования, в том числе российско-туркменских отношений, предполагает использование системы технико-прагматических методов, в которую входят:

— *методы организации исследования*: системно-комплексная организация исследования; мыслительно-теоретическое воспроизведение временных и пространственных

конструкций, в рамках которых имели место те или иные явления и факты, характеризующие состояние российско-туркменских отношений в тот или иной период; проведение историко-проблемных срезов теоретико-правового материала по исследуемой проблеме;

— *методы сбора и обработки данных*: анализ документальных и литературных источников; анализ нормативных правовых актов; сбор, накопление, анализ и оценка фактического материала; обобщение, типологизация, классификация и систематизация полученных данных; историко-правовой анализ материала по исследуемой проблеме; теоретико-методологическое сравнение и оценка; генезисно-сравнительная оценка; системно-аналитическая оценка; сравнительно-правовая оценка условий формирования и развития российско-туркменских отношений; перспективно-правовая оценка условий поддержания и продвижения российско-туркменских отношений на современном этапе их развития с учетом историко-правового опыта.

Основным «слабым местом» методологии историко-правового исследования организационно-правовых основ российско-туркменских отношений является фрагментарность, «пробельность» отдельных временных периодов, противоречивость и во многом субъективность имеющихся научных мнений и точек зрения. Это приводит к необходимости приводить к общему знаменателю разноформатные, порой странным образом сочетающиеся данные, восстанавливать реальную структуру, природу и сущность российско-туркменских отношений на избранном историческом этапе.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что историко-правовое исследование нуждается в серьезном, методологическом сопровождении. Существенным преимуществом современных исследователей могут стать как использование традиционных, многократно показавших свою результативность методов и подходов, так и апробация новых, в том числе заимствованных из других сфер познания, методов исследования. Применение разнообразного методического арсенала сможет значительно обогатить горизонты познания, обнаружить проблемы, сломать стереотипы, развеять заблуждения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева Н. Н. Понятие инородцев и их классификация в дореволюционной юридической литературе и законодательстве Российской империи XIX века // Вестник МГПУ. — Серия «Юридические науки». — 2009. — № 2. — С. 108—114.
2. Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права. — М., 2003. — 156 с.
3. Грибовский В. М. Государственное устройство и управление Российской империей. — Одесса, 1912. — 258 с.
4. Джамалова Э. К. Некоторые проблемные вопросы теории и практики методологии научных историко-правовых исследований // История государства и права. — 2013. — № 9. — С. 47—49.
5. Иеринг Р. Ф. Дух римского права. — СПб., 1873. — 321 с.
6. Ильин Ю. Д. Основы государства и религии. — М., 1999. — 271 с.
7. Комиссарова Е. Г. Цивилистическая методология в контексте научного познания // Вестник Тюменского университета. — Серия «Право». — 2008. — № 2. — С. 24—30.
8. Кузнецова О. А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. — 2014. — № 4 (26). — С. 254—270.
9. Кузьмина А. В. Юридические интересы: теоретико-правовое исследование. — М., 2011. — 334 с.
10. Лооне Э. Н. Философские проблемы истории права: первые пролегомены. — Тарту, 1989. — С. 6—15.
11. Малешин Д. Я. Методология гражданского процессуального права // Правоведение. — 2010. — № 1 (288). — С. 49—70.
12. Методология и методы научного познания в условиях научно-технической революции / отв. ред. В. С. Тютин, А. Ф. Файзуллаев. — Ташкент, 1986. — 286 с.
13. Мисроков З. Х. Адат и шариат в российской правовой системе : Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. — М., 2002. — 256 с.
14. Михайлова Н. В. Проблемы методологии историко-правовой науки // Современное право. — 2012. — № 5. — С. 111—113.
15. Мухамеджанова Н. М. Проблемы модернизации в полиэтническом обществе // Вестник ОГУ. — 2006. — № 7. — С. 112—121.
16. Павленко П. А. Путешествие в Туркмению. — М. : Федерация, 1932. — 215 с.
17. Пашенцев Д. А. Методологические проблемы современной историко-правовой науки // Право и образование. — 2013. — № 1. — С. 4—11.

Материал поступил в редакцию 12 декабря 2018 г.

METHODOLOGY OF A HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH OF RUSSIAN-TURKMEN RELATIONS

AMINOV Ilya Isakovich — PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
aminovii@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article argues that the progress of any science is determined by the status of its theory and methodology, and any scientific study begins with the development of methodology and methods. By virtue of a competent methodologically precise approach to the study of various civilizational-cultural, socio-economic, state-legal phenomena and processes, state and law regularities that are, to a certain extent, of universal nature are revealed and justified. Thus, the positive experience of relations between Russia and Turkmenistan as a socio-political reality can be employed to develop, harmonize and strengthen relations between other nations and peoples.*

The experience of developing methodology for the study of Russian-Turkmen relations leads the author to the conclusion that an impartial, objective, comprehensive study in the historical and legal science remains elusive. This fact makes it necessary to join the search for precise methodological approaches to be used, to remain

faithful to the principles of historical-legal research, to prove the feasibility of applying a variety of research methods appropriate to the current state of development of the science and society.

The article argues that “the weak point” of methodology of historical-legal research of organizational and legal basis of Russian-Turkmen relations amounts to uninvestigated gaps during certain time periods, inconsistency, and subjectivity of available scientific approaches. This fact also makes it necessary to unify the existing data, to restore the real nature and essence of Russian-Turkmen relations during the Imperial Period.

The author concludes that any historical and legal research needs serious methodological support. Modern researchers may contribute by both using traditional methods and approaches that have repeatedly demonstrated their effectiveness and employing and implementing new methods that, inter alia, have been adopted from other disciplines and methods of learning. Their application will significantly expand and enrich the modern borders of legal regulation, determine new research problems and substantially supplement available knowledge.

Keywords: *Historical experience, historical and legal science, scientific and methodological approach, principles and methods of historical and legal research, traditions, norms, values, attitudes, relationships, interrelationships, national community, national legal awareness.*

REFERENCES

1. Andreyanova N. N. Ponyatie inorodtsev i ikh klassifikatsiya v dorevolyutsionnoj yuridicheskoy literature i zakonodatelstve Rossijskoj imperii XIX veka. Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2009. No. 2. P. 108—114.
2. Gojman-Kalinskij I. V., Ivanecz G. I., Chervonyuk V. I. Elementarnye nachala obshhey teorii prava. 2003. Moscow. 156 p.
3. Gribovskiy V. M. Gosudarstvennoe ustrojstvo i upravlenie Rossijskoj imperiej. 1912. Odessa. 258 p.
4. Dzhamalova E. K. Nekotorye problemnye voprosy teorii i praktiki metodologii nauchnykh istoriko-pravovykh issledovaniy. Istoriya gosudarstva i prava. 2013. No. 9. P. 47—49.
5. Iering R. F. Dukh rimskogo prava. 1873. St. Petersburg. 321 p.
6. Ilyin Yu. D. Osnovy gosudarstva i religii. 1999. 271 p.
7. Komissarova E. G. Civilisticheskaya metodologiya v kontekste nauchnogo poznaniya. 2008. Vestnik Tyumenskogo universiteta. Seriya «Pravo». No. 2. P. 24—30.
8. Kuznetsova O. A. Metody nauchnogo issledovaniya v tsivilisticheskikh dissertatsiyakh. 2014. Vestnik Permskogo universiteta. No. 4 (26). P. 254—270.
9. Kuzmina A. V. Yuridicheskie interesy: teoretiko-pravovoe issledovanie. 2011. Moscow. 334 p.
10. Looneh E. N. Filosofskie problemy istorii prava: pervye prolegomeny. 1989. Tartu. P. 6—15.
11. Maleshin D. Ya. Metodologiya grazhdanskogo protsessualnogo prava. 2010. Pravovedenie. No. 1 (288). P. 49—70.
12. Metodologiya i metody nauchnogo poznaniya v usloviyakh nauchno-tekhnicheskoy revolyutsii (ed. V. S. Tyuxtin, A. F. Fajzullaev). 1986. Tashkent, 1986. 286 p.
13. Misrokov Z. Kh. Adat i shariat v rossijskoj pravovoj sisteme: Istoricheskie sudby yuridicheskogo plyuralizma na Severnom Kavkaze. 2002. Moscow. 256 p.
14. Mikhailova N. V. Problemy metodologii istoriko-pravovoi nauki. 2012. Sovremennoe pravo. No. 5. P. 111—113.
15. Mukhamedzhanova N. M. Problemy modernizatsii v polietnicheskom obshchestve. 2006. Vestnik OGU. No. 7. P. 112—121.
16. Pavlenko P. A. Puteshestvie v Turkmeniyu. 1932. Moscow: Federaciya. 215 p.
17. Pashencev D. A. Metodologicheskie problemy sovremennoj istoriko-pravovoj nauki. 2013. Pravo i obrazovanie. No. 1. P. 4—11.